

принимать въ разсчетъ ихъ среду, воспитаніе, окружающія людей, обстановку, какъ мы дѣлали это относительно оцѣнки значенія переворота въ гр. Толстомъ. Вѣдь съ иной точки зрењія разматриваѣмые, съ точки зрењія тѣхъ же усилий ихъ вырваться, стоя въ данныхъ условіяхъ среды, изъ душной атмосферы привитыхъ имъ воспитаніемъ понятій и привычекъ, они могутъ, въ извѣстномъ смыслѣ, оказаться, пожалуй, и «положительными» типами, появленіе исподоволькоихъ можетъ лишь освѣжать, оздоровлять затхлую атмосферу великосвѣтскихъ семей. Гр. Толстой изобразилъ ихъ только правдиво оттого они и вышли *для насъ* типами «отрицательными»; но для автора каждый изъ нихъ, вѣдь, новая ступень *къ Левину*, къ тому образу простаго, искренняго и правдиваго культурнаго человѣка, о поискахъ котораго выкрикиваетъ каждая строка его произведеній, произведеній, бросившихъ цивилизованныму миру могучую и сложную загадку: какимъ образомъ субъективный факторъ чисто *этическаго* свойства—стремленіе къ нравственному идеалу совершенства самого художника, въ то же время даетъ могучий толчекъ величавому *эстетическому* творческому движенію, служа ему какъ *grâce prémouvante*,—какъ-бы факторомъ, *подготавлиющимъ* это движеніе. Кавелинъ, въ «Задачахъ этики», лишь слегка намекнулъ на ту будто бы замѣченную въ послѣднее время параллель, какая существуетъ между быстро увеличивающимся числомъ препебрегающихъ субъективными этическими идеалами лицъ съ одной стороны,—и оскудѣнiemъ выдающихся талантовъ, упадкомъ творческихъ способностей въ Европѣ и у насъ,—съ другой. «Кого мы теперь большею частью встрѣчаемъ: скульпторовъ?—нѣть; фабрикантовъ статуй, живописцевъ?—нѣть; фабрикантовъ картинъ, музыкантовъ?—также нѣть; фабрикантовъ звуковъ?